

minibo**OK**

ЧАРЛЬЗ БУКОВСКИ

ПОЧТАМТ

Москва
2016

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
Б90

Charles Bukowski
POST OFFICE

Copyright © 1971 by Charles Bukowski. Published by
arrangement with HarperCollins Publishers, Inc.

Оформление серии А. *Старикова*

Буковски, Чарльз.

Б90 Почтамт / Чарльз Буковски ; [пер. с англ.
М. В. Немцова]. — Москва : Издательство «Э»,
2016. — 128 с. — (Minibook).

ISBN 978-5-699-91857-7

Чарльз Буковски — один из крупнейших американских писателей XX века, автор более чем сорока книг, среди которых романы, стихи, эссеистика и рассказы. Несмотря на порою шокирующий натурализм, его тексты полны лиричности, даже своеобразной сентиментальности.

Свой первый роман «Почтамт», посвященный его работе в означенном заведении и многочисленным трагикомическим эскападам из жизни простого калифорнийского почтальона, Буковски написал в 50 лет. На это ушло двадцать ночей, двадцать пинт виски, тридцать пять упаковок пива и восемьдесят сигар.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-699-91857-7

© Немцов М., перевод на русский язык, 2016
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Э», 2016

*Это является
художественным произведением
и никому не посвящается*

ПОЧТАМТ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ
ЛОС-АНДЖЕЛЕС, КАЛИФОРНИЯ
Отдел Почтмейстера
Меморандум 742

1 января 1970 г.

КОДЕКС НОРМ ПОВЕДЕНИЯ

Настоящим обращаем внимание всех сотрудников на Кодекс Норм Поведения для почтовых служащих, изложенный в Разделе 742 Почтовой Инструкции, и Руководство для Работников, намеченное в Разделе 744 Почтовой Инструкции.

Уже много лет почтовые служащие держатся прекрасной и не превзойденной иными группами государственных служащих традиции верно служить Нации. Каждый служащий должен испытывать чувство большой гордости за эту традицию преданной службы. Каждый из нас должен стремиться сделать достойным свой вклад в непрерывное движение Почтовой Службы к будущему прогрессу в интересах общества.

Весь почтовый персонал обязан действовать с неуклонной порядочностью и безусловной преданностью интересам общества. Мы надеемся, что почтовый персонал будет соблюдать высочайшие нравственные принципы и блюсти законы Соединенных Штатов, а также правила и политику Почтового Департамента. Требуется не только высоконравственное поведение, но официальные лица и наемные работники должны тщательно избегать действий, которые могут быть истолкованы как препятствующие исполнению обязанностей почтового служащего. Данные обязанности должны выполняться сознательно и с пользой. Почтовая Служба обладает уникальной привилегией ежедневного общения с большинством граждан Нации и является во многих случаях средством их наиболее непосредственного общения с Федеральным Правительством. Таким образом, каждому почтовому работнику представляется особая

возможность и ответственность действовать с честью и достоинством, заслуживающими общественного доверия, что отражает ценность и заслуги Почтовой Службы и всего Федерального Правительства.

Все служащие обязаны изучить Раздел 742 Почтовой Инструкции «Основные Нормы Нравственного Поведения, Личное Поведение Служащих, Ограничения Политической Деятельности и т. д.».

Подпись Ответственного Лица

ЧАСТЬ 1

1

Вначале была ошибка.

Стояло Рождество, и от алкаша, жившего на горке, я узнал, что туда берут чуть ли не всех подряд: он проделывал этот финт каждый год, потому я и пошел. И не успел глазом моргнуть, как у меня на горбу оказался кожаный мешок, и я его в свое удовольствие ташу. Вот так работенка, подумал я. Семечки! Дают всего квартал или два, и если удастся их закончить, штатный почтальон скажет разнести еще один, или, может, вернешься, и в сортировке сунут еще — никакой спешки, распахиваешь себе поздравительные открытки по ящикам.

Кажется, на второй день рождественской шары за мной письма разносить увязалась эта здоровая тетка. Здоровая в том смысле, что у нее была здоровая задница, здоровые сиськи, и вся она в нужных местах была здоровенной. Вроде как не в себе, но я глаз не мог оторвать от ее тела, и мне было наплевать.

Она трещала, не закрывая рта. Тут-то все и прояснилось. Муж ее служил офицером на острове где-то очень далеко, а ей одиноко стало, понимаете, живет себе в домике на задворках совершенно одна.

— В каком домике? — спросил я.

На клочке бумаги она черкнула адрес.

— Мне тоже одиноко, — сказал я. — Загляну вечером, поговорим.

Я жил тогда с одной, но моей бабы регулярно не бывало дома, шлялась где-то, и я был одинок без базара. Одиноко без такой вот здоровой задницы, что стояла рядом.

— Ладно, — сказала она, — до вечера.

Хороша-то она хороша, тетка что надо, но, как и со всеми тетками, после третьей или четвертой ночи я начал терять интерес и больше к ней не возвращался. Но не давала покоя мысль: боже, у почтальонов других дел нет — только письма разносить да трахаться. Это работа для меня, о да-да-да.

2

Поэтому я пошел на экзамен, сдал его, пошел на медкомиссию, прошел ее, и вот я — подменный доставщик. Начиналось легко. Меня отправили на участок Западный Эйвон, и все было совсем как на Рождество, только без траха. Каждый день я ждал, что меня трахнут, но меня не трахали. Бугор же был нормальный, и каждый день я гуляючи обходил то один квартал, то другой. У меня даже формы не было, одна кепка. Я носил обычную одежду. Мы так с моей Бетти киряли, что на одежду едва ли оставалось.

Затем меня перевели на Оукфордский участок.

Сортировкой заправлял бычина по фамилии Джонстон. Там была текучка, и я понял из-за чего. Джонстон любил носить темно-красные рубашки — они означали опасность и кровь. Сменщиков было семеро: Том Мото, Ник Пеллигрини, Герман Стрэтфорд, Роза Андерсон, Бобби Хансен, Гарольд Уайли и я, Генри Чинаски. Начало — в 5 утра, и я там единственный киряла. Я всегда квасил допоздна, а в 5 утра мы уже сидели, дожидаясь, чтоб зачли время, вдруг кто из штатных заболит. Штатные обычно бюллетенили, когда шел дождь или стояла жара, или сразу после праздников, когда почты больше в два раза.

40 или 50 разных маршрутов, может, с верхом, один сложнее другого, ни в жисть не запомнишь, надо забирать почту и к 8 утра быть как штык к развозке, а Джонстону все божья роса. Сменщики развозили журналы по перекресткам, оставались без обеда и подыхали прямо на улицах. Джонстон давал нам паковать ящики по маршрутам на 30 минут позже — знай крутился в красной рубашке на своем кресле:

— Чинаски, берешь пятьсот тридцать девятый!

Начинали мы на полчаса позже, но все равно должны были развезти, доставить, да еще и вернуться вовремя. И раз или два в неделю, уже разбитые, отпидарашенные и выебанные, выходим в ночную сортировку, а расписание, пришипленное к доске, — хреновее некуда: грузовик с такой скоростью просто не ездил. В первом завозе приходилось четыре-пять ящиков пропускать, а к следующему их уже заваливали почтой, и ты вонял и бегал, потя и распахивая все по мешкам. Нормально меня трахнули. Джонстон позаботился.

3

Джонстону потакали сами сменщики — они повиновались его невозможным приказам. Я не понимал, как такому чудовищу позволено занимать такую должность. Штатным было до лампочки, профсоюзный

деятель никуда не годился, поэтому я накопал тридцатистраничный рапорт в один из выходных, отправил копию Джонстону, а вторую взял с собой в Федеральное здание. Ярыжка велел мне обождать. Я ждал, ждал, ждал. Я ждал час и тридцать минут, затем меня ввели, и я увидел седого человечка с глазами, как сигаретный пепел. Он даже не попросил меня присесть. Он заорал, едва я переступил порог:

— Умничаешь, значит, сукин сын, так?

— Вы б не выражались, сэр!

— Вот умник выискался! Сучата, словарей нахватались и вынакиваются!

Он замахал на меня моими бумагами. И завопил:

— МИСТЕР ДЖОНСТОН — ПРЕКРАСНЫЙ ЧЕЛОВЕК!

— Глупости. Он — очевидный садист, — ответил я.

— Ты сколько работаешь на почте?

— Три недели.

— МИСТЕР ДЖОНСТОН РАБОТАЕТ НА ПОЧТЕ УЖЕ ТРИДЦАТЬ ЛЕТ!

— А это тут при чем?

— Я сказал: МИСТЕР ДЖОНСТОН — ПРЕКРАСНЫЙ ЧЕЛОВЕК!

Бедняге, наверно, хотелось меня пришибить. Должно быть, они с Джонстоном спали вместе.

— Хорошо, — сказал я, — Джонстон — прекрасный человек. Выкиньте всю эту поеботину из головы.

Я ушел и взял себе на завтра отгул. Без содержания, конечно.

4

Когда Джонстон увидел меня на следующее утро в пять, он крутнулся на кресле — лицо и рубашка у него были одного цвета. Но ничего не сказал. По барабану. До 2 часов ночи я кирял и трахался с Бетти. Я откинулся на стену и закрыл глаза.

В семь Джонстон развернулся в кресле снова. Остальных сменщиков уже отправили на работу или послали на другие участки, где требовалась помощь.

— Это все, Чинаски. Сегодня для тебя ничего нет.

Он наблюдал за моим лицом. Черт, какая разница. Мне хотелось одного — лечь в постель и задрушивать.

— Ладно, Стон, — ответил я. Среди доставщиков он проходил под кличкой Стон, но только я называл его так в лицо.

Я вышел, мой драндулет завелся, и вскоре я уже был в постели с Бетти.

— О, Хэнк! Как мило!

— Чертовски верно, крошка! — Я подтянулся к ее теплому хвосту и уснул за 45 секунд.

5

Но на следующее утро произошло то же самое.

— Это все, Чинаски. Сегодня для тебя ничего нет.

Так продолжалось неделю. Я сидел там каждое утро с 5 до 7, и мне не платили. Мое имя даже вычеркнули из ночной сортировки.

Потом Бобби Хансен, один из сменщиков постарше — по выслуге, — сказал мне:

— Он раз мне тоже так сделал. Старался, чтоб я с голоду подох.

— Да плевать. Жопу я ему целовать не собираюсь. Или уволюсь, или с голоду подохну — все равно.

— Не обязательно. Докладывайся каждый вечер на участке Прелл. Скажи в сортировке, что здесь у тебя работы нет и ты можешь сидеть сменщиком особой доставки.

— А так можно? Не запрещают?

— Я раз в две недели зарплату получал.

— Спасибо, Бобби.

6

Забыл, когда начинал. В шесть или семь вечера. Где-то около.

Я садился с кучкой писем, брал карту улиц, прикидывал свою пробежку — и только. Легко и просто. Все водители на прикидку своих маршрутов тратили гораздо больше времени, чем необходимо, и я тоже не высовывался. Уходил, когда уходили остальные, возвращался вместе со всеми.

Затем делал еще один маршрут. Оставалось время посидеть в кофейне, почитать газеты, почувствовать себя человеком. Даже пообедать успевал. Когда нужен был отгул, я брал отгул. На одном маршруте была такая крупная деваха, она каждый вечер получала заказные письма. Шила сексапильные платья, ночнушки и сама же их *носила*. Ты взбегал по ее крутым ступенькам около 11 вечера, давил на звонок и вручал ей заказное. Она тихонько ахала, что-то вроде:

— OOOOOOOOOOOOxxxxxxxxXXXX! — а сама стояла близко, очень близко, и не отпускала тебя, пока не прочтет письмо, а затем говорила: — OOOOOoooh, спокойной ночи, спасибо ВАМ!

— Да, мэм, — отвечал ты, отваливая трусцой, елда набухла, как у быка.

Но это неминуемо должно было кончиться. Конец пришел по почте недели через полторы свободы.

Уважаемый мистер Чинаски,

Вам надлежит явиться на Оукфордский участок незамедлительно. Отказ повлечет за собой возможные меры дисциплинарного порядка или увольнение.

А. Э. Джонстон, начальник,
Оукфордский участок.

Я снова был на кресте.

7

— Чинаски! Берешь пятьсот тридцать девятый!

Самый херовый на участке. Многоквартирные дома с ящиками, где имена соскоблены или же их вообще никогда не было, под крошечными лампочками в темных вестибюлях. На лестницах стояли старухи — они встречались по всей улице, задавали один и тот же вопрос, как один человек с одним голосом:

— Почтальон, у вас для меня почта есть?

И хотелось орать: «Бабка, откуда, к *чертовой матери*, я знаю, кто ты такая, кто я такой и кто вообще тут все?»

Пот капает, бодун, график невозможный, да еще Джонстон сидит в своей красной рубашке и знает про это все, наслаждается, делает вид, что идет на это ради снижения расходов. На самом деле все знали, зачем он так поступает. Ох, какой же он прекрасный человек!

Люди. Люди. И собаки.

Давайте я расскажу вам о собаках. Стоял такой 100-градусный день¹, а я бежал, потя, больной, похмельный, в полубреду. Остановился у небольшого жилого дома, где почтовый ящик внизу, прямо на мостовой. Отщелкнул его своим ключом. Ни звука. Вдруг чувствую — кто-то тычется мне сзади в промежность. И шевелится там. Оборачиваюсь — немецкая овчарка, взрослая, и нос свой мне в очко чуть не наполовину засунула. Щелкнет челюстями разок — и все яйца выдерет. Я решил, что эти люди не получают сегодня свою почту — может, вообще никогда никакой по-

¹ По Фаренгейту. 37,8 °С. — Здесь и далее прим. переводчика.

чты не получат. В натуре, мужик, она там носом работала. НЮФ! НЮФ! НЮФ!

Я положил почту обратно в кожаную сумку, а затем очень медленно — очень — сделал полшага. Нос следом. Еще полшажка, другой ногой. Нос не отстает. Затем я делаю медленный, очень медленный полный шаг. За ним еще один. Не шевелюсь. Нос отклеился. Она стоит и на меня смотрит. Может, ей никогда не приходилось ничего подобного нюхать, и она не поняла, что нужно делать.

Я тихонько ушел.

8

Была и еще одна немецкая овчарка. Стояло жаркое лето, и она ВЫНЕ-СЛАСЬ со двора и ПРЫГНУЛА в воздух. Зубы ее щелкнули, едва не прокусив мне кадык.

— О БОЖЕ! — заверещал я. — ОХ ГОСПОДИ БОЖЕ МОЙ! УБИВАЮТ! УБИВАЮТ! ПОМОГИТЕ! УБИВАЮТ!

Тварь развернулась и прыгнула снова. Я прямо в воздухе впаял ей хорошенько по морде мешком для почты, письма и журналы разлетелись. Тварь готовилась к прыжку еще раз, когда вышли двое парней, хозяева, и оттащили ее. Пока она смотрела на меня и рычала, я нагнулся и собрал письма и журналы — теперь их опять раскладывать по порядку.

— Вы, суки, ополоумели, — сказал я парням. — Это убийца, а не собака. Или усыпите ее, или на улицу не пускайте!

Я бы полез бить им морду, но между ними рычала и кидалась на меня эта собака. Я отошел к соседнему крыльцу и, ползая на четвереньках, переложил почту.

Как обычно, времени на обед не осталось, но я все равно на 40 минут опоздал в сортировку.

Стон посмотрел на часы.

— Ты на сорок минут опоздал.

— А ты вообще не приходил, — ответил я.

— Так и запишем.

— Пиши-пиши, Стон.

У него в машинку был запроважен соответствующий бланк — он уже приступил. Я сидел, сортируя почту по ящикам и откладывая возвраты, а он подошел и швырнул бланк мне под нос. Я уже устал читать его докладные и по своему походу в город знал, что любой протест бесполезен. Не глядя, я кинул его ксиву в мусорную корзину.

На каждом маршруте были свои ловушки, и только штатные доставщики о них знали. Каждый день возникала какая-то проклятая засада, и ты всегда был готов к изнасилованию, убийству, собакам или какому-нибудь безумию. Штатные своих маленьких секретов не выдавали. Это было их единственным преимуществом — если не считать того, что свои маршруты они знали наизусть. Сплошной банзай для новичка — особенно такого, кто киряет допоздна, ложится в 2, встает в 4.30, ночь напролет трахается и орет песни, и ему все сходит с рук... ну, почти.

Как-то днем я был на улице, маршрут неплохо продвигался, хоть и новый, и я подумал: господи, может, впервые за два года я смогу пообедать.

Меня мучил ужасный бодун, но все равно шло хорошо, пока я не добрался до этой пачки почты, адресованной церкви. В адресе не было номера улицы — только название церкви и бульвара, на который она выходит. Я поднялся, с похмела, по ступенькам. Ящика отыскать не удалось, а людей внутри не было. Какие-то свечи горят. Стоят миски, пальцы макать. Пустая кафедра на меня лыбится вместе со статуями: бледно-красными, голубыми, желтыми, фрамуги закрыты, вонюче-жаркое утро.

Ох Иисусе, подумал я.

И вышел.

Обогнул церковь и наткнулся на лестницу в подвал. Дверь была открыта, я вошел. Знаете, что я увидел? Унитазы. И душевые кабинки. Но там было темно. Ни одна лампочка не горела. Как, черт побери, человеку в темноте почтовый ящик искать? Тут я увидел выключатель. Дернул, и весь свет в церкви зажегся — и внутри, и снаружи. Захожу в следующую комнату, а там облачения на столе разложены. И стоит бутылка вина.

Боже ты мой, подумал я, кого, к дьяволу, еще, кроме меня, могут застучать в таком положении?

Я взял бутылку, хорошенько приложился, оставил письма на рясах и вернулся к унитазам с душами. Выключил свет, послал в темноте и выкурил сигарету. Подумал было принять душ, но мысленно увидел заголовки: ГОЛОГО ПОЧТАЛЬОНА ЗАСТАЮТ ЗА РАСПИТИЕМ КРОВИ ХРИСТА ПОД ДУШЕМ РИМСКО-КАТОЛИЧЕСКОЙ ЦЕРКВИ.

Поэтому в конце концов времени на обед не хватило, и, когда я вернулся, Джонстон написал докладную, что я на 23 минуты выбился из графика.

Позже выяснилось, что почту для церкви доставляют в приходской дом за углом. Но теперь, разумеется, я знаю, где срать и подмываться, когда приспичит.

Начался сезон дождей. Большая часть моих денег уходила на пойло, стало быть, в башмаках подметки прохудились, а плащ был старым и рваным. Под любым мало-мальским ливнем меня изрядно мочило — я имею в виду мочило до костей: аж трусы с носками разбухали. Штатные доставщики начинали бюллетенить — они бюллетенили на участках по всему городу, поэтому работы было полно каждый день и на Оукфордском участке, и везде. Даже сменщики сказывались больными. Я бюллетень не брал — слишком уставал и не соображал как надо. В то утро меня отправили на участок Уэнтли. В самом разгаре был один из таких пятидневных ливней, когда вода хлещет сплошной стеной и весь город задирает лапки, всё задирает лапки кверху, канализация не успевает глотать воду, и та захлестывает тротуары, а в некоторых районах — газоны и даже дома.

Меня послали на участок Уэнтли.

— Там сказали, что им нужен хороший человек, — крикнул мне вслед Стон, когда я выходил под водяной саван.

Дверь закрылась. Если мой драндулет заведется, — а он завелся, — поеду в Уэнтли. Но это не важно: если машина не заводилась, тебя кидали в автобус. Ноги у меня уже промокли.

Бугор в Уэнтли поставил меня перед ящиком. В нем почты и так было под завязку, а я стал пихать еще больше вместе с другим подменным. Такого ящика я никогда в жизни не видел! Чья-то гнусная шутка. Я насчитал в нем 12 связок. На полгорода хватит. Мне только предстояло узнать, что весь маршрут идет по крутым холмам. Кто его придумал, совсем, наверное, ёбу дался.

Мы подняли и выволокли его, и только я собрался уходить, как бугор подошел и сказал:

— Я тут не смогу тебе дать никого в помощь.

— Все нормально, — ответил я.

Хрен там, нормально. Только гораздо позже я узнал, что он — первый кореш Джонстона.

Маршрут начинался от участка. Первый из двенадцати отрезков. Я вышел под стену воды и покандюхал вниз по склону. То был нищий район — домишки и дворики с почтовыми ящиками на одном гвозде, внутри полно пауков, а за окошками старухи вертят самокрутки, жуют табак, мычат что-то своим канарейкам и смотрят на тебя, придурка, заблудившегося под дождем.

Когда трусы намокают, они сползают вниз, вниз, вниз они сползают, облепляют ягодицы, а мокрую резинку этой дряни поддерживает только